

Рецензия на книгу: Карпюк С.Г. Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция). М.: ИВИ РАН, 2010. 220 с.*

Новая книга московского антиковеда С.Г. Карпюка, посвященная нескольким сюжетам исторической географии античного Средиземноморья, объединяет под одной обложкой некоторые статьи этого ученого: часть из них уже издавалась ранее в «Вестнике Древней Истории»**, другая часть представляет собой новые работы, главным образом, выполненные в рамках проекта «Восприятие зимы и способы преодоления холодов древними греками в архаический и классический периоды (VIII-IV вв. до н.э.)», поддержанного РФФИ. Эти последние статьи, как можно предположить, знакомы специалистам по античной истории (в 2006-2007 гг. материалы, впоследствии вошедшие в книгу, обсуждались учеными собраниями Москвы и Санкт-Петербурга). Вероятно, вопросы корректности конкретно-исторических и лингвистических экскурсов, составляющих текст сочинения, должны рассматриваться филологами-классиками и историками античности. Поскольку автор рецензии не принадлежит к этому цеху, *ne sutor supra crepidam*. Наши соображения касаются лишь методологической, а значит, с необходимостью, историографической составляющей указанного сочинения. С этой точки зрения, монография С.Г. Карпюка о «климатическом фоне античной истории Средиземноморья» интересна как образец профессиональных проблем, с которыми сталкивается историк, обратившийся к междисциплинарному подходу.

Показательно, что тематический блок, открывающий книгу, посвящен именно вопросам метода. Здесь подвергаются критике (и, на наш взгляд, совершенно заслуженной) работы известного климатолога В.В. Клименко. Труды последнего по исследованию климата исторического прошлого представляются уязвимыми прежде всего именно с точки зрения профессионально-исторической: «Наибольшие сомнения в работах В.В. Клименко вызывают авторские реконструкции влияния глобальных климатических изменений на глобальное развитие человечества. Сама методика сопоставления природных процессов с некими таблицами наиболее выдающихся исторических событий и культурных прорывов представляется сомнительной, даже если использованные автором таблицы «Атласа всемирной истории» составлены специалистами-историками» (с. 56). В этом смысле они относятся даже не к прошлому, а к позапрошлому этапу развития исторической географии, представляя собой образчик географического (климатического) детерминизма. Расцвет этого направления пришелся на первые годы XX столетия, но уже к середине 1920-х гг., даже в США, где работали такие известнейшие «инвайронменталисты» как Э.Ч. Сэмпл и Э. Хантингтон, подобные труды, описывающие развитие локальных сообществ как

* В рамках библиографического обзора по проекту (грант Президента РФ МК-4785.2010.6.)

** Карпюк С.Г. Политическая география классических Афин: Фукидид и его современники об островах и островитянах // ВДИ. 2005. № 2. С. 27-41; Карпюк С.Г. Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Клименко // ВДИ. 2007. № 1. С. 244-257.

прямое следствие эволюции природной среды, воспринимались как устаревшие и маргинальные с точки зрения академической среды. Несмотря на то, что в старой отечественной историографии «истории климата» анти-инвайронменталистская традиция была представлена замечательными исследователями (достаточно вспомнить работы Л.С. Берга), о современном состоянии дискурса красноречиво свидетельствует популярность опусов Л.Н. Гумилева. В этой связи чрезвычайно корректная, но последовательная критика «климатического детерминизма» В.В. Клименко, представленная в книге С.Г. Карпюка, кажется весьма актуальной. Никакие «глобальные прогнозы» и общие модели климатических изменений не должны служить прямым объяснением перипетий локального развития, а кроме того, указывает автор книги, для исследуемого периода классической древности «колебания климата <в зоне ойкумены греческой цивилизации> не были столь уж значительными и вполне сопоставимы с современными» (с. 57-58).

Следующая часть книги С.Г. Карпюка, однако же, не вызывает столь однозначного приятия. Цели проекта поначалу формулируются весьма корректно: на с. 6. утверждается приоритет квалифицированных историков в том, что касается сбора данных о климате и климатических явлениях прошедших веков. С этим нельзя не согласиться. Несомненно, именно отсутствие минимальных источниковедческих компетенций делает столь уязвимыми все «историографические» выводы упомянутого В.В. Клименко. Впрочем, далее С.Г. Карпюк совершает поворот от Сциллы к Харибде. Мы должны вспомнить здесь книгу французского историка Э. Леруа Ладюри «История климата с 1000 г.». Фундаментальной методологической ошибкой многих исследователей климата, писал Ладюри, является антропоцентризм: климат — есть производная естественных процессов, поэтому источники, используемые для климатических реконструкций, не должны иметь субъективного характера. Эти слова, высказанные в разгар революции количественных методов, тем не менее, не перестали быть справедливыми. Климат есть усредненная совокупность показателей состояния окружающей среды за продолжительный период: конструкция это весьма абстрактная, кратковременные колебания температур, стихийные бедствия и тому подобные события, производящие впечатление на современников и попадающие в анналы, к ней непосредственного отношения не имеют. Тем более странно видеть, что на с. 6-7 книги С.Г. Карпюка при определении объекта исследования используются такие выражения как «отношение к климату», «восприятие климатических условий людьми» и т.д.

Прежде всего, что здесь понимается под «климатом» и был ли известен в Древней Греции тот «климат», который знаем мы? Неоднозначный и уязвимый ответ на этот вопрос дает сам Сергей Георгиевич в том месте, где опираясь на хорошо известные свидетельства античных авторов, выдвигает тезис о «холодном климатическом фоне древнегреческой цивилизации» (с. 49, 66 и т.д.). Вот пример его метода: на с. 47 он задается вопросом, возможно ли экстраполировать на Средиземноморье данные климатологов о похолодании I тыс. до н.э. в Северной Евразии? Подтверждение того, что похолодание в Греции действительно произошло, он находит в письменных источниках, в частности, в книге первой геродотовой «Истории»: «С точки зрения Геродота (I. 142) климат Ионии... <оставляем в стороне ссылку на Платона, она того же типа> был наиболее под-

ходящим для человека. Из этого можно сделать косвенный вывод, что лето в классической Греции было несколько жарким и более комфортным, чем сейчас» (с. 47). Здесь кроется основная проблема: начнем с того, что Геродот в данном месте говорит не о «климате» как таковом. Геродот использует слово «ῥα»: да, в pl. его принято переводить как «климатические условия, климат» (словарь Дворецкого), «the climate of a country, as determined by its seasons» (Liddell-Scott dictionary); но весь пассаж, у Стратановского переведенный как «ионяне... основали свои города... в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете», дословно означает, скорее, что ионийцам из всех известных людей повезло строить свои города «под самым прекрасным небом и в самое прекрасное время <года>». Из общего словоупотребления, в особенности, в Нег. I, 149, III, 106, ясно, что речь идет о природных условиях Эллады, но о климате здесь, конечно, не говорится ни в том значении, в котором это слово употребил Гиппарх из Никеи во 2 в. до н.э. (широтные зоны, отличающиеся по высоте полуденного стояния Солнца в самый длинный день года, «κλίμα» здесь означало «наклон солнечных лучей», падающих на поверхность земли), ни в современном (многолетний режим погоды на данной территории). Более того, как бы то ни было с лингвистической точки зрения, субъективное единичное свидетельство ионийцев (Геродота), даже претендующее на обобщение, ничего не значит с точки зрения климатологии: для того, чтобы говорить о климате Ионии в описанное время, необходима объективная информация о состоянии атмосферы в этом регионе за длительный период, сведения о средних метеорологических величинах и их изменчивости и т.д. Как из этого свидетельства, утверждающего превосходство Ионии относительно всех остальных греческих областей, можно сделать вывод о том, что «лето в классической Греции было несколько жарким и более комфортным, чем сейчас» (с. 47)? С чем, и что мы должны здесь сравнивать?

Таким же недугом поражены все пассажи книги, в которых автор вынужден использовать слово «климат». Тезис о «холодном климатическом фоне древнегреческой цивилизации» везде подтверждается подобными свидетельствами античных авторов, но нигде не доказывается с помощью собственно климатических данных. Однако же, очерки климатических условий античности созданные, например, таким классическим ученым как Д. Эгинитис, или нашим современником Р. Салларесом, к выводам которых С.Г. Карпюк относится, кажется, не без некоторого скепсиса, опираются на принципиально иную источниковую базу, выполнены на основании данных дендрохронологии, палеоантропологии, палинологии и др. подобных точных методов (см. картину экологии античного Средиземноморья в «Кембриджской экономической истории греко-римского мира»)*. Собственно, только так и может изучаться климат, созданный как идея и как объект исследования развитием естественных наук в Европе эпохи модерна.

На все вышесказанное правильно было бы возразить только единственным образом: на самом деле, представленная книга, конечно, посвящена не кли-

* Sallares R. Ecology // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World / Ed. by W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge: Cambridge University Press, 2007; Или, например, его исследование о древнеримской малярии: Sallares R. Malaria and Rome: a history of Malaria in Ancient Italy. New York: Oxford University Press, 2002. esp. P. 101-103.

мату древнего Средиземноморья как таковому. Перед нами образец другого историко-географического жанра — «историографии зимы», который, пожалуй, ведет свое начало от знаменитого броделевского пассажа в первом томе «Средиземного моря». Лучшая часть книги посвящена зиме в Древней Греции: и не столько ее «настоящим» физическим реалиям, температурам, экономике, специфическому укладу, сколько репрезентациям — образу зимнего времени в античной литературе. Так, к примеру, хорошо прописанные страницы, посвященные «зимнему» колориту пьес Аристофана (с. 83-88), которые ставились на Ленеи (в конце зимы), позволяют утверждать первенство древних в изобретении того, что ныне зовется «новогодним» или «рождественским» антуражем. Стремительная эволюция репрезентаций и культурных образов не признает устойчивых границ природных зон и слабо связана с циклическими колебаниями климата. Как мы знаем, заснеженный Санта-Клаус ныне приходит и в тропики.

Любопытно, что сам С.Г. Карпюк, в одном месте признавая, что «зимние» изображения «свидетельствуют скорее не о реальных климатических условиях, а о греческих представлениях о них; идеологии здесь больше, чем климатологии» (с. 147, раздел «Изображения зимней одежды в греческой вазописи»), во множестве других следует при чтении источников совсем другой логике. Так, он склонен безоговорочно верить «зимним» свидетельствам Геродота, Гиппократу, Ксенофонта и др., утверждая, что все эти казуальные сообщения древних греков о снеге, холодах и пр. являются достаточными свидетельствами «холодного климатического фона древнегреческой цивилизации». Своего рода вершина этой доказательности — утверждение о том, что Аристотель, писавший о свойствах жидкостей, «имел очевидные и вполне четкие представления о замерзании жидкостей, что может косвенно свидетельствовать о повседневном знакомстве с этим процессом» (с. 133-134). И почему-то именно с изменениями климата, с потеплением, а не с радикальной сменой культурной парадигмы, наш автор связывает «постепенное уменьшение в древнегреческой поэзии «зимних» сюжетов... <при переходе> от архаической к эллинистической эпохе» (с. 80).

Ф.С. Корандей